

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
«ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»
КОМИССИЯ ПО СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ
ПРОБЛЕМАМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ

А.И. НЕКЛЕССА

УПРАВЛЯЕМЫЙ ХАОС

**МОСКВА
2003**

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ

Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.3.

А.И. Неклесса. Управляемый хаос / Научный Совет РАН «История мировой культуры». М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003

Personalia

Александр Иванович Неклесса. Заместитель директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН (ИНЭС). Заведующий Лабораторией геоэкономического анализа и проблем социального развития ИАФРАН. Руководитель межотраслевого центра «Гео-экономика». Член экспертного Совета по внешней политике при Комитете по международным делам Государственной Думы ФС РФ и экспертного Совета по проблемам инновационной политики и развития человеческого потенциала при Совете Федерации ФС РФ. Эксперт Центра стратегических исследований Приволжского Федерального Округа.

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА», работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим в Службе стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, советником агентства «СОКРАТ».

Автор более 200 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Около 25 лет проработал в системе Российской Академии наук. Член Бюро Научного совета РАН «История мировой культуры», председатель комиссии по социокультурным проблемам глобализации. Действительный член Философско-Экономического Ученого Собрания МГУ им. М.В. Ломоносова.

Основные направления исследований: 23.00.04 – политические проблемы международных отношений и тенденции глобального развития; геоэкономика; стратегический анализ и планирование; философия истории.

Электронный адрес: neklessa@mail.ru

Выпускающий редактор *Е.В. Владимирова*

Технический редактор *Т.И. Рудакова*

Компьютерная верстка *Н.Н. Никольский*

Компьютерный набор *С.И. Иванова*

Публикуется в рамках исследовательского проекта
«Постсовременная цивилизация»

© 2003, А.И. Неклесса

УПРАВЛЯЕМЫЙ ХАОС*

Tua res agitur

В последнее время все чаще приходится задумываться над вопросом: замкнута ли человеческая история в триаде «дикость – варварство – цивилизация» или же возможно какое-то иное, четвертое, состояние общества, своего рода постцивилизация? В этом случае процессы глобальной трансформации должны иметь некий объединяющий их исторический вектор, а не сводиться к простой сумме ситуаций развития и уплощения социального космоса. Феномен 11 сентября 2001 г. подвел логическую черту под рядом внешне малосвязанных между собою событий. В настоящей статье автором предпринята попытка проанализировать трансформации в сфере международных отношений, изменение организационных начал и самой номенклатуры этой системы.

Стремительное развитие событий на планете ставит перед исследователями глубин социального космоса, равно как и перед действующими политиками, ряд принципиальных вопросов. Куда все-таки движется современный мир: к апофеозу модернизации и появлению реалий глобального гражданского общества? К монополярной (имперской) типологии правления глобальной страны-системы либо той или иной формы международной администрации? К новой биполярности США и Китая, к многополюсному или олигархическому социуму, к безбрежному, анонимному социальному пространству, управляемому и направляемому безликими сетевыми организациями? Или же к турбулентному, многоплановому столкновению цивилизаций, либо – распаду всякой устойчивой социальности и вселенскому хаосу?

Что, в конце концов, происходит в сфере международных отношений: созидание или разрушение, прорыв в будущее или провал в прошлое, повышается или понижается на планете градус цивилизации? Вот, пожалуй, центральные вопросы, интригующие и завораживающие тех, кто занимается современной «игрой в бисер» – вычерчиванием социальной картографии политического театра действий наступившего века.

То, что мир уже никогда не будет таким, каким он был или казался в прошлом столетии, постепенно становится очевидным. События 11 сентября 2001 г. и их последствия высветили новую глобальную ситуацию, формирующуюся систему мировых связей. Одновременно эти трагические события некоторым образом легитимировали происходящую смену парадигмы в сфере внешней политики, укрепив тенденцию к динамичным действиям, нацеленным на опережение, купирование негативных процессов. Основу прежней политики национальной безопасности – доктрину сдерживания и свя-

* При подготовке данной работы использована статья автора «Внешняя политика нового мира», опубликованная в журнале «Pro et Contra» 2002, т.7, №4.

занную с ней концепцию устрашения на основе массированного ответного удара, сейчас готовится сменить новый стандарт – доктрина упреждающих действий (включающая в себя возможность и подчас обязанность нанесения превентивных ударов).

Подобные изменения в значительной мере есть результат расширения спектра реально действующих субъектов мировых связей, не подпадающих ни под их прежнюю номенклатуру («национальное государство»), ни под прежние механизмы сдерживания («массированный ответный удар»).

Параллельно с очевидным возвышением США в новой конфигурации мировой политики, очерчиваются контуры и горизонты иного планетарного субъекта – геоэкономического универсума Нового Севера, продукта универсальной «штабной экономики» и процесса транснационализации элит. Расширяется также сфера присутствия и влияния эклектичной культуры мирового Юга, оценки которого разнятся от «источника жизни, питающего стареющий Запад» до «нового варварства, удушающего цивилизацию». Мировой Север и мировой Юг обретают глобальные пропорции, сосуществуя на единой планете, но представляя все более разнящиеся миры, обладающие различным историческим целеполаганием. Возникающие конфликты и турбулентности укрепляют тенденцию становления глобальной, динамичной структуры управления социальными процессами в качестве новой исторической нормы внешних отношений – **поствестфальской системы мировых связей**.

Конец цивилизации или зигзаг истории?

Ощущение возможной реальности
следует ставить выше ощущения реальных возможностей.
Р. Музиль

Процесс глобализации заметным образом влиял на социальную мысль конца XX века, выдвинув идею новой композиции мирового контекста, его пределов и ориентиров¹. Вектор динамики – переживаемая человечеством социокультурная революция,

¹ *Toffler A., Toffler H.* Creating a New Civilization: The Politics of the Third Wave. Atlanta, 1995; *Galbraith J.K.* The Good Society. The Human Agenda. Boston-N.Y., 1996; *Hopkins T., Wallerstein I., Casparis J.* The Age of Transition: Trajectory of the World-System, 1945-2025. N.Y., 1996; *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol.1: The Rise of the Network Society. Malden (Ma.)-Oxford (UK), 1996; *idem.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol.2: The Power of Identity. Malden (Ma.)-Oxford (UK), 1997; *idem.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol.3: End of Millennium. Malden (Ma.)-Oxford (UK), 1998; *Chomsky N.* World Orders, Old and New. L., 1997; *Touraine A.* Pourrions-nous vivre ensemble? Egaux et differents. P., 1997; *Brzezinsky Z.* The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. N.Y., 1997; *idem.* The Geostrategic Triad: Living with China, Europe, and Russia. Wash., 2000; *Naisbitt J.* Megachallenges: A Compass for the 21st Century. N.Y., 1998; *Luttwak E.* Turbo-Capitalism. Winners and Losers in the Global Economy. L., 1998; *Thurow L.C.* Creating Wealth. The New Rules for Individuals, Companies and Countries in a Knowledge-Based Economy. L., 1999; *Etzioni A.* The End of Privacy. N.Y., 1999; *Fukuyama F.* The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order. N.Y., 1999; *Drucker P.F.* Managing Challenges for the 21st Century. N.Y., 1999; *Giddens A., Hutton W.* (eds.). On the Edge. L., 2000; *Negri A., Hardt M.* Empire. Harvard., 2000; *Giddens A.* (ed.). The Global Third Way Debate. N.Y., 2001; *Kissinger H.* Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century. N.Y., 2001; *Buchenen P.* The Death of the West. N.Y., 2001.

развернувшаяся в последней трети прошлого века, революция, равно меняющая как идеалы мироустройства, так и механизмы практической политики.

*«Времена, в которые мы живем, полны угроз и опасностей. Но мы настолько занялись собственными делами, что, в конце концов, утратили представление о сложности окружающего нас мира... В истории трудно найти другой период, когда люди смотрели бы в будущее с такой неподдельной тревогой. В самом деле, это похоже на возврат к Средним векам, когда разум человека был объят страхом перед наступлением нового тысячелетия...»*²

Слова, процитированные выше, принадлежат Аурелио Печчеи, основателю и первому президенту «Римского клуба». Они были написаны им еще в середине 60-х годов прошлого века, как раз накануне *«вступления в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории»* (З. Бжезинский), *«великого перелома»* (Р. Диес-Хохлайтнер) или даже *«мировой революции»* (И. Валлерстайн). Это время (конец 60-х – начало 70-х гг.) стало рубежом социокультурной революции, обозначив границу траекторий взлета и падения протестантской версии мира. И одновременно – выхода на поверхность, социальной реабилитации ее многочисленных подспудных течений. Уже тогда разгорались дискуссии о горизонтах цивилизации, о необходимости внесения корректив в стратегию ее развития, о стоящих перед человечеством глобальных проблемах, о конфигурации социального космоса и типологии грядущего мироустройства.

В постпротестантском космосе стерилизованная секулярность, светскость *per se*, предстает не оболочкой, но наследницей идеалов протестантизма, культурной основой цивилизации, ее своеобразной осью и пределом. Вместе с тем, будучи носителем политической корректной, внеинституциональной, индивидуализированной версии христианской культуры и соответствующего цивилизационного содержания (если не идеала), секулярность оказывается – на очертившихся глобальных просторах – мировоззрением, так сказать, неосновательным, синкретичным и по-своему хрупким. Пребывая в состоянии фактической утраты своих оригинальных начал, полу-добровольно наложенного на них «эмбарго», она подвергается интенсивному размыванию со стороны разнообразных модификаций неоязычества и традиционализма, «нового невежества», не имея при этом ни соответствующего иммунитета, ни энтузиазма прежних эпох. Параллельно в секулярном космосе все явственнее ощущается также присутствие бродячего элемента какого-то иного, подавленного в прошлом универсализма, претендующего стать творческим ферментом нового мира. И как суммарный результат, на планете обнаруживаются ростки иной, уже и не христианской, и не секулярной версии цивилизации.

После политической и культурной деколонизации Не-Запада, образования эклектичного пространства Третьего мира, семантика глобальной революции реализует себя как нарастающая «социокультурная деколонизация» самого Запада, отмеченная, в числе других черт, элементами прямого и косвенного демонтажа прежней культурной конструкции, де-христианизации и квази-ориентализации. При этом двусмысленная, киплинговско-сталинская, культурно-политическая и «горизонтальная» оппозиция *Запад – Восток* дополнилась во второй половине столетия социальной вертикалью *Север*

² А. Печчеи. Вызов 70-х годов современному миру // Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. М., 1997. – С.319.

– Юг с последующим расширением семантики этих пространств за пределы их условной географической локализации, очерчивая планетарные, взаимопроникающие, но все же раздельно, словно слоеный пирог, сосуществующие ареалы *«мирового Севера»* и *«мирового Юга»*.

К концу века стала очевидной трансформация прежнего Севера. В результате распада СССР и сопряженных с его существованием внешнеполитических конструкций обозначилось пестрое, атомизированное пространство «стран с переходной экономикой», а Соединенные Штаты превратились в уникальную «глобальную державу» с неясными пока полномочиями, сферой компетенции и кругом ответственности. К концу века совершилось также радикальное преобразование Третьего мира: его разделение на динамичное пространство тихоокеанского Нового Востока и «потерянное поколение» стагнирующего Юга, к которому принадлежит большинство стран Африки. Параллельно начал прорисовываться контур принципиально иных, трансгеографических социо-конструктов: транснациональных сетей Квази-Севера и «мирового андеграунда» Глубокого Юга, обладающих разным социальным горизонтом, но постепенно сливающихся в единый «диффузный архипелаг», дестабилизируя прежние скрепы цивилизации.

Наметившаяся инфернализация подобного социально-культурного разделения, введение в общественное сознание образов «золотого миллиарда» и противостоящего ему пространства «стран-изгоев», объединенных «осью зла», заставляет вспомнить известные слова Сергея Булгакова о «переложении иудейского хилиазма... на язык политической экономики»³. Но ситуация сейчас прочитывается несколько иначе, нежели в начале XX столетия. Почти фарсовое сближение эсхатологического противостояния избранного народа миру зла со «священной борьбой прогрессивного пролетариата и ретроградной буржуазии» в наши дни заменяется другой, более актуальной оппозицией: противопоставлением «рыцарского союза демократий Севера мировому плебейству Юга» (квинтэссенция коего – идея финального для истории конфликта со странами-изгоями и последующее связывание, либо развязывание угрозы мировой анархии). Семантическая схожесть между собой в значимых деталях обоих мотивов, параллельных христианской апокалиптике, порой просто поразительна.

На данной, не вполне еще четкой основе шаг за шагом выстраивается достаточно новая система внешних отношений – поствестфальская структура мировых связей, включающая в себя иное, изменившееся прочтение кодов поведения и картографии планетарного сообщества, его номенклатуры и иерархии действующих субъектов. Интерес вызывают как перспективы отчетливо монополярной, «имперской» структуры социума, так и другие возможности, включая ту или иную форму биполярности/многополярности, либо горизонты экспансии сетевой схемы социальной регуляции, ее метаморфозы, отношения с более привычными системами управления, возникающие при этом взаимозависимости, симбиозные формы и т.п. Наконец, актуальной темой исследований становится феномен системного терроризма, представляющий органичную часть культуры сетевых организаций.

Феномен «11 сентября» продемонстрировал, что трансграничное теневое сообщество в наступившем столетии может стать реальной и перманентной угрозой, однако, определение его характера, внутренних механизмов, движущих сил ставит порой в

тупик не только практических политиков, но и опытных исследователей исторической перспективы. Новый терроризм учитывает взаимосвязанность глобального мира, системный характер протекающих в нем процессов – предъявляя соответствующую стратегию угроз. Его акции строятся на принципе домино, а менталитет организаторов напоминает стиль мышления опытных шахматистов. Планетарный контекст повышает значение символических объектов, жестов и процедур при реализации данной концепции действий. В глобализированном сообществе возникает «эффект бабочки», когда событие в одном месте способно вызвать лавинообразные последствия в другом, к примеру, в сфере общественной психологии или финансово-экономических операций, хотя и хорошо управляемых, но достаточно уязвимых для подобного рода системных влияний.

Несмотря на очевидную трагичность, события 11 сентября 2001 г. важны все-таки не сами по себе. Они послужили, во-первых, прожектором, осветившим новую глобальную ситуацию, формирующуюся систему мировых связей. И, во-вторых, – стали триггером для определенных действий в сфере мировой политики.

Социокультурная революция, разворачивающаяся на планете, проявляет себя в разнообразных процессах и феноменах, меняющих как общественное сознание, так и привычные формы социальной организации, среду обитания человека. Некоторым из этих изменений, однако, до последнего времени явно не уделялось достаточного внимания. Так, параллельно с широко обсуждаемой *глобализацией* (складывание системы мирового управления, штабной экономики, единого информационного пространства и т.д.) в социальном универсуме не менее интенсивно развивается другой драматичный, и, быть может, более социально значимый процесс, привлекавший, однако же, до поры гораздо меньше внимания. Процесс этот – *индивидуация*, формирование активных, влиятельных личностей, обладающих доступом к значительным финансовым, экономическим, техническим ресурсам и рычагам действия. Конечно, следует сразу же оговориться, что под влиянием массовой культуры и всей прочей феноменологии массового общества модель поведения большинства людей на планете заметно унифицируется, стереотипизируется, уплощается, объединяя субъекта с исполняемой им социальной функцией (ролью). Но, одновременно, ресурсы и пространства глобализации, вкупе с порожденными цивилизацией могучими инструментами, создают уникальные условия для социально значимой экспансии пассионарного индивида в современном мире.

Новые формы социальной организации, возникающие на этой основе, расщепляют прежний социальный текст, рождая различные конфигурации амбициозных групп и индивидов. Прежняя социальная гравитация, устойчиво объединявшая элитные группировки в «планеты, под названием национальное государство», «национальные корпорации» теряет прежнюю эффективность, порождая своеобразные «астероидные группы», транснациональные не только по пространству приложения сил, но также и по своему составу и целеполаганию. Складывается механизм эффективной частной власти, новый класс неформальных организаций (как публичных, так и непубличных), способных совершать политические действия и другие акции подчас планетарного значения и пропорций. Именно в контексте подобного полифонического политического пространства, его глобальной развертки «одиннадцатое сентября» прозвучало особенно

³ С.Н. Булгаков Соч. Т.2. М., 1993. – С.259.

эффектно и сыграло свою специфическую роль. Как бы мы ни расценивали внутреннее содержание «феномена бен Ладена», само появление данного стереотипа («гиперличность», «личность противостоящая миру», «человек против цивилизации», «враг мирового сообщества») свидетельствует о многом.

Я бы даже обострил подобную постановку вопроса, предположив, что не сам мир, не порядок вещей изменились в тот роковой день, но качественную трансформацию претерпели его прочтение и интерпретация, сама общественная психология, усомнившаяся в привычных устоях бытия, и изменились они, судя по многочисленным признакам, весьма ощутимо. Что, в свою очередь, сказалось на деятельности мирового аналитического сообщества, на приоритетах в его повседневной работе, на задачах концептуального порядка. А, кроме того, на интересе различных кругов к тем или иным интеллектуальным достижениям в сфере стратегического анализа и прогноза.

Диапазон прочтений картографии формирующегося миропорядка необычайно широк (что отражает возросшую полифонию человеческой свободы), и с порога XXI века можно разглядеть ландшафты, ранее неведомые историческому взору⁴. Отвергнув патернализм религии и традиционного общества ради обретения совершеннолетия и личной свободы современное массовое общество, напротив, теперь, кажется, склонно обменять завоеванную, но оказавшуюся столь обременительной и связанной со смертельным риском свободу на изрядную толику иллюзий, персональный комфорт и безопасность. Транснациональная культура «комфорта и безопасности» отчетливо заявила о себе в последние десятилетия. И как несколько неожиданный ответ на данный культурный вызов на мировую арену и выходит «системный терроризм»: система точечных, но высокоэффективных акций, обладающих могучим эффектом резонанса – долговременного, хорошо просчитанного последствия, значимо проявляющегося именно в данной культуре. Речь, таким образом, идет о весьма специфичном инструменте частного (непубличного) управления современным обществом со стороны влиятельных, но безликих организаций – этой аморфной и эклектичной «власти без государства», оперирующей транснациональными эскадронами смерти.

На сегодняшний день можно выделить три ключевых аспекта формирующейся реальности Нового мира:

- цивилизационная динамика на рубеже тысячелетий;
- трансформации, происходящие в сфере международных отношений;
- изменения в области структур управления и генезис новых оргструктур.

Если попытаться обобщить разнообразные мнения, которые высказываются в интеллектуальном сообществе о сути процессов, происходящих в мире, то они, пожалуй, могут быть сведены к трем концептуальным позициям.

Первая из них достаточно проста. Она сводится к тому, что в мире, по большому счету, ничего принципиально нового не происходит. К примеру, после событий 11

⁴ Подробную библиографию зарубежных работ по данной проблематике см. в статьях автора «Осмысление Нового мира» («Восток», 2000, №4) и «A la carte» («Полис», 2001, №4). Теме социокультурных революций и глобальной трансформации современного мира посвящена трилогия автора, опубликованная в журнале «Новый мир»: «Эпилог истории, или Пакс Экономикана» (1999, №9), «Глобальный город: творение и разрушение» (2001, №3), «Трансформация истории» (2002, №9).

сентября появилась статья Фрэнсиса Фукуямы «Началась ли история опять?», суть которой в том, что трагические и турбулентные события последнего времени, в конечном счете, отражают последовательное продвижение в будущее локомотива Модернити. И те негативные явления, с которыми мы сталкиваемся, – это лишь своего рода издержки процесса модернизации, который по-прежнему развивается, хотя и не в простых условиях. И развивается весьма интенсивно ⁵.

Вторая точка зрения заключается в том, что на планете происходят серьезные и, прежде всего, качественные изменения. Что процесс модернизации в его фундаментальном смысле – в первоначальном и основном значении этого понятия – зашел в тупик. В мире же набирает силы принципиально иной процесс – чаще всего определяемый как «социальный постмодерн» – проявляющийся, то как культурно-цивилизационная полифония, то как более-менее завуалированная демодернизация, а в своем экстремальном аспекте – как процесс неoarхаизации мира. Эта же точка зрения отражена, в частности, в концепции Хантингтона, поскольку речь в ней идет о конфликте различных систем ценностей (культура Модернити – лишь одна из них), о планетарном, «горизонтальном» столкновении существующих культурно-исторических типов общества (цивилизаций).

Данной позиции, однако, свойственна некоторая неполнота. Дело в том, что новая социально-культурная феноменология и демонстрируемая система ценностей не сводимы к какой-либо одной, хорошо известной и исторически реализованной цивилизации, культурно-историческому типу или идеологической системе. В драматичных событиях последнего времени проступает контур какой-то иной, целостной, хотя и не слишком внятной пока культурной и социальной семантики. То есть, не исключено, что, находясь на самой кромке ветшающей исторической конструкции, мы присутствуем при зарождении некой цивилизационной альтернативы, со своими законами и логикой социальных институтов.

Но в таком случае – и это составляет суть третьей точки зрения, которой я придерживаюсь, – происходящие в настоящее время события есть не что иное как «вертикальное», диахронное столкновение цивилизаций. Иначе говоря, происходит столкновение современного мира не с теми культурами, которые хорошо известны и существуют на планете в проявленном виде, но с некой тенью, с неким призраком цивилизации, нависающей из будущего ⁶.

⁵ «...несмотря на события 11 сентября, Модернити, представленная США и другими развитыми демократиями, осталась доминирующей силой в мировой политике, а институты, олицетворяющие основные западные принципы свободы и равенства, продолжают распространяться по всему миру. Атаки 11 сентября – удар отчаяния против современного мира, который представляется скоростным грузовым поездом тем, кто не хочет на него попасть».

⁶ Подробнее о цивилизационной и культурной трансформации см.: *Неклесса А.И.* Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Глобальное сообщество. Картография постсовременного мира. – М.: Восточная литература, 2002.

Поствестфальский мир

Правление народа, посредством народа и для народа
не должно исчезнуть с лица земли
Авраам Линкольн

При демократии власть – это влияние.
...Но в чистейшей форме такое влияние
может заключаться просто в тихом совете...
Фредерик Форсайт

Актуальный аспект происходящих перемен – трансформация самой среды, номенклатуры международных отношений. То, что мир уже никогда не будет таким, каким он был или казался в прошлом столетии, становится очевидным. Однако реальный дизайн существующих на сегодняшний день социополитических карт XXI века весьма неточен, расплывчат, порой – двусмысленен. На их виртуальных листах видны одновременно и контуры «великой суши» Четвертого Рима – грандиозной системы глобальной безопасности, ориентированной на новый орган всемирно-политической власти, и волнистые линии «мирового океана» – нестационарной, турбулентной системы международных связей.

Чтобы не быть голословным перечислю некоторые актуальные проблемы, связанные с происходящей трансформацией мирового контекста:

- перераспределение властных полномочий с национального на глобальный уровень;
- появление новых субъектов власти, таких как глобальная держава, международные регулирующие органы, неформальные центры влияния чрезвычайно высокого уровня компетенции;
- феномен страны-системы;
- деформализация власти, снижение роли публичной политики и представительных органов, тенденция к расширению зоны компетенции неформальных процедур принятия решений, заключения устных, консенсусных «договоренностей» вместо полноценных договоров;
- наметившиеся горизонты «судейской власти»;
- транснационализация элит и появление новой социальной общности – мирового Севера при параллельной глобализации альтернативного пространства мирового Юга (включая «варваризацию Севера»);
- слияние политических и экономических функций в современном мире, формирование на данном базисе системы стратегических взаимодействий и основ глобального управления
- пространственная локализация (географическая и трансгеографическая) различных видов хозяйственной деятельности, появление новой формы мирового разделения труда, перераспределение мирового дохода и взимание «глобальной ренты», выстраивание геοэкономического универсума;

- развитие транснациональных сетей сотрудничества и сетевой культуры в целом.

Если подвести предварительный итог многочисленным изменениям, то можно, пожалуй, утверждать, что в мире выстраивается динамичная и иерархичная система международных связей, и то, что понималось под международными отношениями лет десять назад в настоящий момент фактически не существует.

Действительно, международные отношения перестают быть пространством, где формально равные и суверенные субъекты выстраивают изменчивые, уравнивающие друг друга коалиции и конкурентную среду их взаимоотношений. В последние годы, независимо от конкретных целей, преследуемых в той или иной кризисной ситуации, на планете складывается властная вертикаль: специфическая глобальная иерархия, институт международных регулирующих органов («глобальная держава», Большая семерка, НАТО и т.п.), а на противоположном полюсе – отверженное племя государств-париев. Подобная инерция международных отношений заметно подрывает логику модернизации, сам менталитет Нового времени поскольку, фактически, означает рецидив конструкций, характерных, скорее, для сословного, «феодалного» мира. При этом намечилось расхождение между европейской и американской трактовками целей и форм современного политического процесса, различия в оценке дизайна возводимой глобальной конструкции, в реестре основных проблем и угроз. Между правилами игры, утвердившимися на планете после окончания «холодной войны» в 90-е годы (коллективные действия, «гуманитарная интервенция», отсутствие острой идеологической конфронтации), и новыми идеополитическими конструктами (такими как «ось зла», перспектива многолетней «войны с террором», односторонние действия глобальной державы, некоторые ключевые положения новой доктрины национальной безопасности США и т.п.)⁷.

Другое характерное свойство складывающейся поствестфальской системы – ее принципиальная нестационарность, предполагающая активный, турбулентный характер ряда процессов и перманентное управление хаотизированной средой. В свою очередь это приводит к становлению новых технологий управления – «матричных», нацеленных не столько на управление тем или иным проектом, но скорее на формирование контекста, осуществление контроля над средой, формирование ситуации, в рамках которой проект реализуется. Стабильность при этом начинает все более пониматься не как статичная, но как динамичная категория, определяющее свойство которой – способность к опережению негативного развития событий, их превентивное регулирование (т.е. скорее *crisis management*, чем *crisis resolution*).

Смена актуальных кодов управления – один из важнейших аспектов перемен. Новые организационные схемы и технологии подчас просто взрывают прежние институты, меняя привычный облик власти. Начинает просматриваться тенденция маргина-

⁷ Реальная разделительная линия в дискуссиях о глобализации, конечно же, более сложна и прихотлива, нежели деление на точку зрения европейцев и американцев. Так, бывший президент США Дж. Картер, выступая на церемонии вручения ему Нобелевской премии мира за 2002 г., заявил что «одобрение принципа превентивной войны сильными странами создает прецедент, чреватый катастрофическими последствиями». С другой стороны, политика администрации Дж. Буша встречает понимание и поддержку со стороны премьер-министра Великобритании Тони Блэра. Тем не менее, водораздел, кажется, очевиден.

лизации всего корпуса «легальной власти», национальной публичной политики, ее отчуждение от решения ряда ключевых вопросов, подмена альтернативной системой социальной регуляции – властью «неформальной», транснациональной, геоэкономической. Параллельно происходит естественная в этих условиях экспансия сетевых структур – пестрого конгломерата «амбициозных корпораций», социальных, политических, экономических, культурных организмов. В их числе присутствуют клубы различного уровня влияния и компетенции, разнообразные религиозные и квазирелигиозные организации, глобалистские и антиглобалистские структуры, наконец, разного рода асоциальные, террористические организации, весь пестрый и эклектичный мировой андеграунд.

Новая культура, подобно вирусам, может сопридти к во плоти прежних социальных организмов, в недрах которых прочерчиваются границы новоявленного «столкновения цивилизаций» – конфликта между централизованной иерархией и гибкой сетевой культурой, между администратором и творцом, между центростремительными и центробежными тенденциями. Сетевая организация лучше приспособлена к динамичному, турбулентному состоянию социальной среды, где вместо непрерывной функции она реализует дискретные проекты. (При этом в современных условиях эта проектная культура «взнуздывается» кластерным характером матричного управления.) Сетевая культура и возникает-то с особой интенсивностью именно на разломах, в моменты социального кризиса или взлета. Проектная логика способна в этих непростых условиях минимизировать влияние долгосрочных, инерционных воздействий и связанных с ними принципиальных ошибок.

У всех данных образований единая основа – деятельный человек. Энергичные, пассионарные личности существовали в мире всегда. Но, как уже отмечалось выше, никогда прежде они не имели такой свободы в оперировании финансовыми, информационными потоками, не обладали такими широкими техническими и экономическими возможностями. Сетевые сообщества (и террористические, в частности) формируются из личностей, которые творят концептуальное целеполагание, создавая под свои проекты временные виртуальные организации. Если выдвинутая идея (или финансовая цель) содержит вызов и перспективу, то определенный класс людей собирается в кластер. Эти коллективы могут действовать совместно, не сливаясь при этом в единую организацию, но автономно, присутствуя в общем русле разделяемых целей и идеалов. Подобная среда в глобализирующемся мире становится все более действенной и влиятельной.

К сожалению, осознание глубины и радикальности всех этих перемен явно запаздывало, их стандартная оценка не выходила за определенные психологические, интеллектуальные или политкорректные рамки. Хотя нельзя сказать, чтобы будущее представлялось безоблачным, особенно в последние годы: проскальзывало предчувствие драматичных событий, в числе которых ожидался и некий особый террористический акт (предполагалось, правда, что, он будет связан с локальным применением средств массового поражения). Но в любом случае, такого рода событие должно было изменить общественное сознание, высветить новизну ситуации, ускорить социальное время. Именно это и произошло.

Многое в настоящий момент видится яснее, очевидней становится масштаб произошедших за последнее десятилетие перемен и более внятной сама логика глобальной трансформации. Наверное, не ошибусь, если скажу, что совершившиеся за короткий по историческим меркам срок изменения коснулись буквально всех сторон социальной реальности. Сломалась не только ось социополитических координат Восток – Запад, но заметно трансформировалась и альтернативная ось Север – Юг. Одно из неизбежных следствий подобной трансформации – проявление дефектности привычного интеллектуального инструментария, что порождает конъюнктурную суету и множатся ошибки. В обычных условиях тема полноценных социокультурных штудий, развернутый семантический анализ картины мира не представляет непосредственного практического интереса для органов государственного управления и задвигается ими на второй, если не на третий план. Однако в условиях серьезного искажения стратегической перспективы императив удержания контакта с реальностью вынуждает производить болезненную смену языка анализа, без чего равно затруднительны и концептуальная разведка, и сценарный анализ, и нормативное прогнозирование (планирование), а порой даже простое понимание и выстраивание нового реестра событий⁸.

Горизонт прагматичного, технологического прогноза в последние годы заметно сжимается, это явно не та сценарная схема, которая может результативно функционировать в радикально меняющемся мире. Человеческое сообщество и процессы в нем протекающие не принадлежат миру мертвой материи, социальная же среда не только изменчива сама по себе, но – что серьезно усложняет анализ, – изменчивыми оказываются ее познанные ранее закономерности и стандарты. Сегодня многие проверенные временем социальные алгоритмы не работают или работают «недолжным образом», хотя это уже тема для отдельного разговора. Социальное проектирование вступает сейчас в эру доминирования быстро сменяющих друг друга креативных социомоделей, имеющих весьма короткий срок эффективного действия, выстроенных *ad hoc* – применительно к той или иной ситуации (т.е. вне привычных канонов социодизайна).

Лучше всех новое положение вещей понимают, по-видимому, США, что подтверждается их действиями, которые, если обобщить происходящее, являются преадаптацией – т.е. активной политикой, нацеленной на опережение событий, частично отраженной теперь в концепции нанесения превентивных ударов по странам, угрожающим Америке. Однако фактическое применение данного алгоритма преадаптации началось заметно раньше 2002 г. Мозаика неурегулированных до конца конфликтов с внешним участием, – а тут можно вспомнить и Ирак, и Боснию, и Косово, и Македонию, и Афганистан, и другие, менее заметные ситуации, – выстраивается в единый типологический ряд. Умножаясь в числе и расширяясь в пропорциях, динамичная патина социальных вывихов и пришедших извне властных компенсаций постепенно сливается в оригинальный социально-топологический синтез – сложный рельеф повсеместно контролируемого и управляемого хаоса.

Соединенные Штаты на сегодняшний день самая мощная страна (страна-система) в мире, источник глобальной стратегической инициативы, «*господствующая мировая держава*», по выражению госсекретаря США Колина Пауэлла. Это своего ро-

⁸ Подробнее о проблеме стратегического планирования см.: Неклесса А.И. Интеллект, элита и управление // Россия XXI. – М., 2002, №1.

да Новый Рим, «мировой город», окруженный концентрическими кругами «провинций» и зависимых стран.⁹ С каждым годом аллюзии на данную тему становятся более яркими, емкими: принятие ключевых решений в сфере мировой политики, позиция защиты цивилизации и противостояния мировому варварству, реализуемое подчас при участии варварских армий, союзников и наемников, императорские полномочия консула-президента, зона национальных интересов, простирающаяся на всю доступную Ойкумену... Но Америка, вместе с тем, видит для себя и определенный критический горизонт. В качестве конкретных сроков называются 2015-2020 годы (но подчас и более ранние, и более поздние рубежи), когда положение США может стать менее благоприятным, нежели оно является на сегодняшний день. При одном условии: если не действовать на опережение негативных тенденций и событий, но именно поэтому, если действовать, то – сейчас.

Таким образом, акции, осуществляемые Соединенными Штатами в Афганистане и других горячих точках планеты, в определенном смысле вообще не имеют временной границы¹⁰. Они скорее вписываются в некий стратегический рисунок, представляя звенья, «опорные площадки» выстраиваемой гибкой, динамичной системы управления турбулентными процессами на планете (контроль над ключевыми/критическими зонами и образуемые вокруг них оперативно-тактические коалиции), которая идет на смену прежней, вестфальской системе статичных международных связей. Одновременно с этим привычная стратегия сдерживания (устрашения) заменяется доктриной упреждающих ударов.

Представляется, что для США сейчас важна все-таки не полная и окончательная победа в том или ином конфликте, а нечто иное: перед Америкой стоит масштабная задача, которая и решается на практике – перехват и удержание стратегической инициативы, создание, апробация и утверждение новой схемы мирового управления. Я бы охарактеризовал ее как динамичную, глобальную систему мировых связей (*intra-global relations*), чтобы отличить от прежней сбалансированной и стационарной системы международных отношений (*inter-national relations*). Особенно если учесть происходящее делегирование современным национальным государством своих компетенций сразу по трем векторам: глобальному, федеральному, субсидиарному, а также увеличение числа и типологии иных влиятельных участников мировых событий.

Серьезный вопрос – формы реализации подобного курса: будет ли он воплощаться единолично или же как некая коллективная позиция мирового сообщества (т.е. вкупе с другими его влиятельными членами), преимущественно мирными или военными средствами? И насколько перспективным на практике окажется вновь возрожденное манихейское прочтение международных отношений как сферы борьбы добра и зла (т.е.

⁹ Это уже несколько иная версия глобализации, отходящая от недавних прописей. США, несколько парадоксальным на первый взгляд образом, начинают выступать с позиций своего рода «глобального неоизоляционизма», выводя себя за пределы общего круга глобализации («коллективные действия», «международные организации», «движение людей», «Киотский протокол», «создание международных судебных органов» и т.п.). В этом смысле можно, пожалуй, даже говорить о своеобразном «глобалистском антиглобализме» США.

¹⁰ «...война не закончится до тех пор, пока не будут обнаружены, схвачены и обезврежены все до единой террористические группировки на земле» («Обращение к нации» Дж. Буша-младшего 20.11.2001).

определение «оси зла» в качестве новой редакции идеи крестового похода против «империи зла»)?

Активно формируется также поствестфальская *международно-правовая парадигма*, закрепляющая в общественном сознании и в пространстве международных отношений «новый обычай» в качестве специфической нормы своеобразного протоправа. Его характерные черты – нечеткость законодательной базы, превалирование властной политической инициативы над юридически закрепленными полномочиями и сложившимися формами поведения государств на международной арене (важность этого фактора усиливается значением прецедента в англосаксонской правовой культуре), неформальный характер ряда влиятельных организаций, анонимность и принципиальная непубличность значительной части принимаемых решений и т.п.

Новацией последнего времени, в контексте господства норм международного права над национальным законодательством, является планомерно выстраиваемая практика судебного преследования со стороны международных и иностранных органов правосудия отставных и даже действующих глав государств, а также иных лиц, занимающих/занимавших иные высокие государственные посты. Кроме того, множатся попытки национальных судебных органов принимать решения, обязательные для исполнения иностранными государствами и международными организациями. Примером действий такого рода, воспринимаемым пока как курьез, является, в частности, принятие в начале 2001 г. одним из американских судов (если не ошибаюсь, судом штата Алабама) решения, запрещающего ОПЕК производить манипуляции с ценами на нефть. Со временем судебная ветвь власти может занять совершенно особое положение в Новом мире, трансформировавшись во власть транснациональную, в отличие от «провинциальных» институтов исполнительной и законодательной власти, тесно связанных с национальной территорией.

Геоэкономический и транснациональный универсум

Пятым видом царской власти будет тот, когда один человек является неограниченным владыкой над всем, точно так же как управляет общими делами то или иное племя или государство. Такого рода царская власть есть как бы власть экономическая (домохозяйственная): подобно тому, как власть домохозяина является своего рода царской властью над домом, так точно эта всеобъемлющая царская власть есть в сущности домоправительство над одним или несколькими государствами и племенами.

Аристотель

Хаос – обязательное условие, предшествующее демократическому пробуждению.

Джон Ле Карре

Параллельно с возвышением Америки очерчиваются горизонты иного глобального субъекта – геоэкономического универсума Нового Севера, порождения универсальной

«штабной экономики» и процесса транснационализации элит (как Севера, так и Юга), превращения их в своеобразную интернациональную метакорпорацию.

*«Аналогия с империей в данном случае оправдана, потому что система мирового капитализма управляет теми, кто к ней принадлежит, и из нее нелегко выйти, – описывает создавшееся положение вещей хорошо разбирающейся в перипетиях финансово-экономического космоса интеллектуал-финансист Джордж Сорос. – Более того, она имеет центр и периферию как настоящая империя, и центр получает выгоды за счет периферии. Еще важнее то, что система мирового капитализма проявляет империалистические тенденции... Она не может быть спокойна, пока существуют какие-либо рынки или ресурсы, которые еще не вовлечены в ее орбиту. В этом отношении она мало чем отличается от империи Александра Великого или Аттилы Гунна, а ее экспансионистские тенденции могут стать началом ее гибели»*¹¹. Подобная схема имеет, однако, не только привычное социальное и географическое прочтение...

В 90-е годы многие исследователи прогнозировали смещение политических и силовых игр наступавшей эпохи из военно-политической сферы в экономическую вместе с эскалацией нового типа конфликтов – геоэкономических коллизий, развивающиеся в широком контексте международных связей. Как писал один из влиятельных сторонников данного подхода *«геоэкономика основывается не только на логике, но и на синтаксисе геополитики и геостратегии, а в более широком смысле – и на всем существующем опыте конфликтных ситуаций»*¹².

В новом веке экономика все более обретает политическую субъектность и соответствующий горизонт. Из процесса обустройства материального мира она трансформируется в полифоничное искусство стратегического действия и системных операций, происходит слияние политики с экономикой – проявляющееся особенно ярко в сфере международных отношений – формирование на данной основе системы глобальных взаимодействий и новых организованностей¹³.

При этом частично стирается не только граница между внутренней и внешней политикой, между внутренним и внешним пространствами государства (доминирование глобального геоэкономического баланса над национальным), – экономическая деятельность прочитывается сейчас и как вполне самостоятельная субстанция, и, одновременно, – как трансценденция любого сопутствующего ей материала, перманентное формирование новых предметных полей. Потенциал геоэкономического космоса представляется практически необъятным, здесь к некоторому логическому пределу подходит само развитие экономической практики, чей вектор устремлен от экстенсивного исчерпания материальных ресурсов цивилизации к интенсификации возможностей вы-

¹¹ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999. – С.114. См. также: Wittfogel K.A. Die orientalische Despotie. Eine vergleichende Untersuchung totaler Macht. Köln-Berlin, 1962.

¹² Карло Ж., Савона П. Геоэкономика. – М.: Ad Marginem, 1997. – С.42.

¹³ «Глобализация драматически меняет природу власти. Демократически избранные правительства и их делегаты в международных организациях все более теряют власть, уступая влиянию международных бюрократий, транснациональных корпораций, собственников средств массовой информации и магнатов «глобального» финансового капитала» (Послание правительствам и общественности участников консультации «Глобализация в Центральной и Восточной Европе: ответ на экологические, экономические и социальные последствия», Будапешт, 28 июня, 2001 г. Цит. по: Независимая газета. 3.07.2001.)

сокотехнологичного развития. (А в перспективе, с использованием возможностей виртуальной сферы, – к преодолению любых мыслимых пределов роста).

Стимулы же новой экономики, особенно в условиях дефицита радикальных технических инноваций и господства оптимизационных технологий, в возрастающей степени оказываются за пределами поля привычных операций. Иначе говоря, это уже не только хозяйственная сфера, но информационный, цифровой мир и с какого-то момента не только турбулентное пространство финансов, а, скорее, форма проекции политических и правовых норм. Еще один геоэкономический вектор XXI века – более тесная и более масштабная связь внешней политики с тем, что раньше являлось преимущественно экономической областью – стратегическими природными ресурсами, прежде всего с нефтью. Большая игра вокруг этого судьбоносного ресурса цивилизации, судя по всему, уже началась.

Явственнее становится неоднородный характер самой экономической среды, ее фактическая многоярусность. Экономическая история последнего времени весьма неоднозначна. Наряду с вектором либерализации в XX в. проявилась тенденция слияния политических проблем с экономическими, стремление установить перманентный контроль над хозяйственной деятельностью, реализовав в данной сфере тот или иной грандиозный управленческий проект. Методы при этом заметно разнились: от явных, грубых форм администрирования, свойственных социалистической и корпоративной моделям государственности, до гораздо более гибких – проклюнувшихся в административных амбициях международных институтов развития, в системах глобального финансового контроля или в некоторых типологических особенностях современной генерации ТНК. Так, параллельно с витринным конфликтом прошлого столетия между «социализмом» и «капитализмом», развивался гораздо менее очевидный, но более универсальный процесс подавления и маргинализации экономического многоголосья, компрометации экономического либерализма, введения в эту область человеческой деятельности все более разнообразных «надстроек».

На этой же основе формируются сейчас модели глобальной налоговой системы и всемирной *currency board*, страхования национальных и региональных рисков, глобальной системы национальных банкротств, долгосрочного планирования динамики/географии ресурсных потоков, а также проекты конвертации виртуальных общепланетарных кредитов (образовавшихся на основе мировой резервной валюты) в реальные активы новых объектов собственности и последующего масштабного перераспределения основных фондов и т.п.

Аналогом и моделью архитектоники завершенной геоэкономической (трансэкономической и парapolитической) конструкции может служить известный многоярусный «китайский шар». Геокон последовательно соединяет сопряженные виды деятельности в сложноподчиненную топологию экономистичного универсума. На нижнем, географически локализуемом уровне, это добыча природных ископаемых и их использование природозатратной экономикой; другой, более высокий локус – производство сырья интеллектуального и его освоение высокотехнологичным производством товаров и услуг. На транснациональном ярусе – производство финансовых ресурсов и применение технологий универсальной процентной дани в качестве механизма управления ин-

дустриальными объектами (в свою очередь плодящими потребность в данных ресурсах и услугах).

Но транснациональна также изнанка, «подполье» геоэкономического мироустройства – сдерживаемый цивилизацией порыв к инволюционному, хищническому использованию ее потенциала с целью извлечения краткосрочной прибыли, а также системный контроль над различными видами асоциальной практики. Отсюда в легальный сектор проникают правила игры, в которых правовой, а тем более, моральный контекст утрачивает былое значение. Наконец, на высшем этаже геоконата – это ткущаяся сеть «штабной экономики», система глобального управления метаэкономикой, производство «правил игры», прямо и косвенно сочетающее экономику с политикой, предвосхищающая унификацию источника легальных платежных средств, тотальный контроль над их движением и появление единой, диверсифицированной системы налоговых платежей.

Все это вместе взятое способно превратить пространства и «земли» геоэкономического универсума в плодородную ниву Нового мира – волшебный источник специфической квазирыбы. Характер подобного геоэкономического социума, пожалуй, описывается следующей прозрачной формулой: *то произведено, что продано, то капитал, что котируется на рынке, а бытие определяется правом на кредит*, неосвоенной пока что остается завершающая логический круг теза: *тот не человек, кто не налогоплательщик*.

Особое качество постсовременного мира – не только его наметившаяся экономическая унификация, но также специфическая полифония, расширение «диапазона возможностей». Новый транснациональный мир, имея подвижную систему координат, избирает для себя ту или иную форму реализации лишь как конъюнктурную фиксацию *status quo*. Подобный динамичный универсум начинает все более походить на «мир игры», где не все существующее достоверно и не все достоверное реально, где многие феномены устойчивы, но при этом не обязательно равновесны. Его парадоксальность, к примеру, проявляется в странном, на первый взгляд, сближении тенденций возрастания индивидуальной свободы и, одновременно, – социального контроля¹⁴.

Что же касается нового поколения социальных институтов, то сейчас складывается особый тип корпоративной культуры, тесно связанный с постиндустриальным укладом и сетевой культурой в целом (который я называю феноменом «амбициозной корпорации»). Подобная организация в центр своей активности ставит некую нематериальную цель, серьезно понятую миссию, идею специфического типа развития. Если угодно – собственное прочтение реальности бытия, успешно решая при этом и чисто экономические задачи. По «модельной» шкале ранжируются прочие виды корпоративной активности. Вокруг данного смыслового центра выстраиваются различные комплементарные конфигурации, ассоциации, группы, причем решение ряда конкретных рабочих схем передается сопредельному «организационному рою» на условиях аутсорсинга. В целом действия такого агломерата тяготеют к совмещению интенсивной поисковой, «проектной» активности с системностью экстенсивных, пакетных действий в избранном направлении. Амбициозная корпорация активно применяет упомянутые

¹⁴ Здесь я бы сослался на другую свою трилогию, опубликованную в журнале «Знамя»: «Контуры Нового мира и Россия (геоэкономический этюд)» (1995, №11), «Конец цивилизации, или Зигзаг истории» (1998, №1), «Конец эпохи Большого Модерна» (2000, №1).

выше «матричные» технологии, организующие, «топологизирующие» среду, создавая желательные для стратегических целей и текущей деятельности коллизии и ситуации.

Ориентация амбициозной корпорации на максимально гибкие организационные схемы хорошо защищает ее даже в случае весьма серьезных потрясений. Она вполне способна пожертвовать частью ради сохранения целого (тем более, что пути достижения желаемой цели формируются по сценарному, вариативному принципу). Кроме того, подобный тип организационной культуры позволяет реализовывать групповые действия в широком масштабе, одномоментно решая комплексные задачи, выстраивая системно-модульные схемы. Все это, впрочем, в той или иной мере делалось и раньше, но масштаб и оперативность действий были все-таки совершенно иные. Глобальный, кумулятивный эффект в нашем случае достигается за счет технических и технологических механизмов, освоенных цивилизацией совсем недавно. То есть полномасштабная реализация подобного феномена оказалась возможной лишь на основе постиндустриального уклада.

Пожалуй, главное отличительное свойство амбициозной корпорации – универсальность экспансии, расширение пределов собственной компетенции, неизбежно выводящее ее в пространства внешней политики, превращая, в частности, в институциональную основу и инструмент «астероидных групп». При этом синтетический подход к человеческой деятельности, решение экономических, политических, культурных задач «в одном флаконе», позволяет решать каждую из них в отдельности гораздо эффективнее за счет достигаемого синергетического эффекта. В сущности, речь идет уже не о хозяйственной деятельности, а об институализации альтернативной транснациональной, трансэлитной системы управления, о решениях, касающихся стратегий развития человечества, о властных импульсах, формирующих сам контекст рассмотрения и принятия подобных решений. В своих различных модификациях это скорее социогуманитарные, а не экономические образования, объединяющие представителей самых разных направлений человеческой активности, членов транснационального «нового класса», действующих зачастую вне привычных структур власти. Здесь, кстати, само понятие «корпорация» приобретает прежний, основательно подзабытый смысловой оттенок.

В результате в динамичном и меняющемся мире возникает также новый класс угроз. Это борьба не только интеллекта, финансов, организационных принципов, технических возможностей, технологических решений, но, прежде всего, – борьба мировоззрений, борьба кодекса поведения прежней цивилизации и социальной семантики новой культуры. Постепенно на планете выстраивается глобальный и многоярусный *Undernet*, эксплуатирующий открывающиеся возможности для неограниченных моральными препонами форм деятельности легальных и иллегальных организаций, где неформальный стиль и гибкость подобных организмов оказывается их существенным преимуществом. В новой, деформализованной международной среде сетевые конгломераты, прочерчивая границы собственной полифоничной и динамичной географии, выступают как, хотя и «виртуальные», но, фактически, равнозначные партнеры более привычных государственных и корпоративных структур управления.

За пределом конца истории

Кто дал вам губку, чтобы стереть весь небосвод?

Фридрих Ницше

То, что произошло 11 сентября 2001 г., меняет восприятие окружающего мира, но не сам мир. Дело даже не в том, что глобальная трансформация не осознавалась до «часа X» во всей своей полноте, – бюрократический механизм в принципе плохо приспособлен к преадаптации, то есть в данном случае к реальному противостоянию еще не реализовавшимся угрозам. Прикладная политология также привыкла рассуждать, по-своему приспосабливаясь к логике административных структур, способных более-менее эффективно реагировать на угрозу лишь после ее реализации. Кроме того, из виду упускается, возможно, центральное обстоятельство – критическую роль сейчас играет не только совершенство процедур, но и статус личности, не только новые идеи, но и «старые» моральные и культурные ценности цивилизации.

Кризис культуры Большого Модерна назревал не одно десятилетие, весь XX век прошел под знаком поиска нового миропорядка. При этом триада социальных проектов века – коммунизм, фашизм, глобализм, – заменив собою религиозные ереси и конфликты былых столетий, по мере развертывания проявляли внутреннюю ущербность, на глазах современников преобразаясь из утопий в антиутопии.

В нынешнем футурологическом сундуке «Пандора-21» постепенно накапливается критическая масса неприятных сюрпризов:

- умело сдерживаемая тенденция к развитию глобального финансово-экономического кризиса с последующим изменением социополитической конфигурации планеты;
- перспективы социального расслоения мира, автаркичной регионализации либо прямой неоархаизации его сегментов;
- возможность контрнаступления мобилизационных проектов и возникновения принципиально иных идеологических конструкций;
- формирование новой географии конфликтов и распространение «войн за ресурсы»;
- радикальный отход некоторых ядерных держав от существующих правил игры, более свободное применение современных военных средств, в том числе в качестве репрессалий;
- демонстрационное использование оружия массового поражения, прямая угроза его применения;
- растущая вероятность региональных ядерных конфликтов в странах Третьего мира, либо той или иной формы инцидента с оружием массового поражения (как ядерного, так и радиологического, химического, бактериологического) в странах Севера;
- превращение терроризма в международную систему, транснационализация и глобализация асоциальных и криминальных структур;
- центробежная, универсальная децентрализация международного сообщества.

Сейчас, по мере развертывания комплексной акции по установлению нового миропорядка и глобальной системы безопасности, можно также предвидеть появление новых форм развития кризисов и урегулирования конфликтов, связанных с трансформацией, взломом прежней системы социальной регуляции, с возросшей турбулентностью эклектичного пространства мирового андеграунда, с меняющейся логикой применения силы.

Профессор Йельского университета Пол Брекен в начале 2000 г. писал во влиятельном журнале «Foreign Affairs»: *«Созданному Западом миру (уже) брошен вызов... в культурной и в философской сферах. Азия, которая стала утверждаться в экономическом плане в 60-70-х годах, утверждается сейчас также в военном аспекте»*.¹⁵ Выдвигая тезис о наступлении «второго ядерного века» – т.е. ядерного противостояния вне прежней, биполярной конфигурации мира – американский политолог характеризовал его следующим образом: *«Баллистические ракеты, несущие обычные боеголовки или оружие массового поражения, наряду с другими аналогичными технологиями сейчас доступны, по крайней мере, десятку азиатских стран – от Израиля до Северной Кореи, и это представляет собой важный сдвиг в мировом балансе сил. Рост азиатской военной мощи возвещает о начале второго ядерного века...»*.¹⁶

Еще более резко сформулировал свою позицию Международный институт стратегических исследований (IISS) в докладе о тенденциях мировой политики. Его вывод: главную угрозу для человечества представляют сейчас региональные конфликты в Азии с участием ядерных держав, в результате чего человечество *«балансирует на грани между миром и войной»*.¹⁷ Действительно, даже краткое перечисление основных субъектов азиатской военной мощи – Китай, Япония, Тайвань, Северная и Южная Корея, Вьетнам, Индия, Пакистан, Иран, Израиль, Армения, Турция, арабский мир – несмотря на неполноту и явную эклектичность списка, а может быть, именно вследствие этой эклектичности, заставляет лишний раз задуматься над степенью безопасности и конфигурацией глобальной системы XXI века.

Проблема при ближайшем ее рассмотрении оказывается, однако, еще серьезнее. Геоэкономическому менталитету Запада противопоставлен цивилизационный вызов, включающий более свободное, нежели прежде, и что существенно – базирующееся на иной культурной платформе использование современных военных систем и различных форм оружия массового поражения. Человечество, по сути, вступает в эпоху «нецивилизованных войн» различной типологии и масштаба. Разработанные же ранее процедуры сдерживания, основанные на применении «оружия Судного Дня», и соответствующие системы безопасности явно или неявно ориентировались на вполне определенную систему ценностей и стереотипы поведения.

В начале 2001 г. мне довелось участвовать в совещании по безопасности Центрально-Азиатского региона, на котором, в частности, обсуждалась ситуация с наркотрафиком¹⁸. Ситуация, которая в привычной системе координат представляется практи-

¹⁵ Foreign Affairs. January-February 2000.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Коммерсант. 5.5.2000.

¹⁸ Отчет о Бишкекской встрече, на которой в феврале 2001 г. обсуждалась тема «Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии: моделирование безопасности», см. в журнале «Восток» (Oriens), 2001, №5.

чески безнадежной. Почему? Дело во многом именно в организационной асимметрии государственных органов и криминальных кланов. Высокая степень обратной связи и персональное разделение рисков внутри наркокартелей серьезно повышает их адаптивность, их эволюционные возможности к меняющимся условиям среды и принимаемым против них мерам. Кроме того, финансовое сверх-благополучие подобных организаций зиждется на иных, нежели у конвенциональной экономики принципах, а щедрое использование ресурсов не снижает конкурентоспособность. В результате борьба с наркотрафиком подчас напоминает усилия по локализации вирусных эпидемий, усилия, приводящие, в конечном счете, к возникновению все более изощренных и жизнестойких форм этой напасти.

Контуры глобальной нестабильности и специфической социальной динамики проявляются также в феномене «диффузных войн» – происходит транснационализация террористической деятельности, диффузия временных и пространственных границ военных и паравоенных конфликтов, их субъектов и объектов, применяемых средств и методов ведения боевых действий. В условиях трансформации миропорядка, когда «родовые признаки» прежнего цивилизационного контекста и государственности деформированы или ослаблены, современные военные системы становятся менее эффективными, вспомним конфуз Америки в распавшемся на кланы Сомали или вязкость, зыбкость ситуации в Косово и Македонии, когда вектор активности смещался от конфронтации с Сербией на «Албанскую армию освобождения». США, обладающие огромной мощью, столкнулись с безликим противником и анонимной агрессией.

Цивилизация, переходя в иное качество, сталкивается с новым типом угроз все-рьез и надолго. И хотя сейчас разрабатываются и апробируются многообразные средства и технологии безопасности, тем не менее, все чаще приходится задумываться не столько о повышении эффективности существующих систем и подходов, сколько о принципиально иных путях обеспечения стратегической стабильности, об альтернативной концепции глобальной безопасности и радикальном обновлении реестра соответствующих действий, об изменении самой логики борьбы с анонимизацией общества и международным терроризмом как явлением в целом. Новое поколение социальных технологий нельзя выстраивать по лекалам прежней схемы мироустройства. Образно говоря, «стратегия Буша» (младшего) не может быть повторением, пусть и модифицированным, «стратегии Буша» (старшего).

Существующие системы обеспечения национальной безопасности, прежде всего, вооруженные силы, оказались настроенными на иную типологию угроз, в новых конфликтах их мощь, внутренне ориентированная на принцип пассивной эскалации устрашения, а не активной диверсификации форм противодействия (и одновременно – локализации новых пространств борьбы), словно уходит в песок. Эти системы были созданы, прежде всего, для борьбы с системами нападения таких же государств или их коалиций. По крайней мере, – с агрессией отчетливо выраженных институтов, с чем-то, что, как минимум, имеет географически локализуемую структуру. А против новых типологических субъектов, против финансовых, экономических, информационных, тер-

рористических и иных транснациональных структур действия, «не имеющих отечества», прежние системы безопасности оказываются гораздо менее эффективными¹⁹.

На упоминавшейся выше Бишкекской встрече по безопасности в Центральной Азии автором была предложена к обсуждению *квазиэкологическая методология* противодействия негативным социальным явлениям. Суть концептуальной схемы – отход от рефлекторной политики («борьба с симптомами») и переход к системным действиям, типологически схожим со стратегией противостояния вирусным эпидемиям или экспансии нежелательных популяций («преадаптация», «разрушение потенциала антисистемы», «финансовая стерилизация», «подрыв патогенной среды обитания», «обеспечение определенного стандарта социально-экономического благополучия населения»). Надо сказать, новый терроризм, нанеся удар, также претерпел определенный ущерб, утратив, отчасти, потенциал внезапности и потеряв как феномен свою прежнюю безликость.

Отсутствие стратегического мышления проявляется между тем не в дефиците значимых целей, а, скорее, в непонимании контекста и логики событий, их семантики и внутреннего смысла. И, соответственно, – в мистифицировании реальности. К сожалению, в поисках чаемой панацеи от новых угроз нередко приходится сталкиваться с гипертрофией прежней логики обеспечения безопасности: надежды возлагаются на совершенствование уже существующих методов и технологий, но на новом уровне. Так, постепенно начинают обретать плоть модели, в рамках которых социальное пространство уподобляется цифровому²⁰.

Действительно, специалисты по безопасности признают, что, скажем, выследить компьютерного взломщика в Интернете значительно легче, чем преступника в обычном мире: компьютерные сети, набор серверов и протоколов, представляют собой среду, где варианты действия ограничены и фиксируемы, процессы могут быть в любой момент раскодированы и, таким образом, проконтролированы. А вот вне сетей, в реальном, а не виртуальном сообществе, кодов поведения существует неограниченное множество при явном дефиците «протоколов». Если и дальше следовать данной логике, то задача состоит в том, чтобы сузить множество вариантов поведения человека и уверенно контролировать оставшиеся. Идеал такой среды – тотально контролируемое общество. Попытка создать «всеобщий каталог», ввести пожизненный личный код, систематизировать персональную информацию уже предпринималась и в странах Шенгена, и в США, сейчас специалистами разрабатываются универсальные (в данном смысле) системы *Digital Angel* и *Aura*. Все это, однако, есть коренная ревизия начал современной цивилизации, путь к уплощению личности, превращению субъекта в объект.

В новой психологической атмосфере ведутся активные дебаты о жизненной необходимости ограничить некоторые ключевые свободы, о разрешении спецслужбам доступа к частной информации. Скачкообразное ужесточение специальных процедур уже получило в Соединенных Штатах ярлык «новая нормальность». И вновь надежды

¹⁹ Ср.: «устрашение как угроза массированного удара возмездия по странам-агрессорам пустой звук для тайных террористических группировок, не имеющих ни страны, ни граждан, которых следует защищать» (из речи Дж. Буша-младшего перед выпускниками военной академии Вест-Пойнта 1 июня 2002 г.).

²⁰ Кстати говоря, в настоящее время целенаправленная агрессия против национального информационного пространства признается в США как вполне законный *casus belli*.

возлагаются на технологии – информатику, биометрику, цифровые коды, телекоммуникационные системы, – эволюция которых начинает угрожать основной ценности нашего мира – свободной личности. Тут возникает порочный круг. Подобный сценарий является на деле тупиком цивилизации, ее логическим концом. Это ответ охранительного механизма на растущий организм, стремление переломить, а не оздоровить логику развития. Возможно, с технологической точки зрения задача тотальной слежки и может быть решена, но приведет это к созданию еще большей угрозы. В конечном счете, получится, что основной источник опасности – сама свобода.

Свобода – обоюдоостра. В пространстве исторического действия возник новый субъект, творящий реальность, – свободно действующая личность, отсеченная от прежних культурных корней. Этот новый человек, ощущая себя элитой нового мира, независимо от форм включенности в прежнюю систему, способен безжалостно распорядиться своей и чужой свободой, действуя как «с той», так и «с другой» стороны социальной иерархии. Сейчас у него в руках могучие инструменты: финансовые, организационные, информационные, технические. При этом диалог подобных личностей и пассионарных групп ведется через головы других людей, психологически воспринимаемых как безликий хор статистов.

Мир столкнулся с активным проявлением новой психологии, с интенсивным процессом социального творчества, со сменой социальных и культурных ожиданий. Гибкость и неподконтрольность, принципиальная непубличность действий неформальной элиты, набирающей вес, но при этом не нуждающейся в институализации своих социальных претензий (по крайней мере, в прежнем смысле этого понятия), проявляется во внешней иррациональности, анонимности, даже эзотеричности семантики актуальных социальных связей. Новые субъекты транснациональных связей, действующие поверх прежних социальных конструкций и взявшие на себя бремя формирования будущего, подвергаются обвинениям в произвольном толковании закона и прямом пренебрежении им, гегемонизме, терроризме. Однако они не столько подавляют, сколько игнорируют институты публичной политики и демократии, утрачивающие прежнее значение и приобретающие оттенок маргинальности в меняющейся социальной среде.

Мировое сообщество оказывается, по сути, поставленным перед альтернативой создания комплексной системы глобальной безопасности, *«ориентированной на новый орган всемирно-политической власти»* (З. Бжезинский) или переходом к явно неклассическим сценариям новой, нестационарной модели международных отношений. Сейчас прочерчиваются, пожалуй, два видимых сценария развития событий на планете. Одна логическая траектория, чей дизайн достаточно внятен, – завершение строительства геэкономического каркаса Нового мира ²¹. Однако если наметившаяся каталогизация мира окажется своеобразной иллюзией (истоки которой, возможно, коренятся в механистичных представлениях эпохи Просвещения) – и мир будет все чаще спотыкаться о возникающие противоречия – то усилится стратегия, связанная с реализацией доктрины упреждающих действий, увенчанное той или иной формулой глобального силового контроля.

²¹ Подробнее см.: Неклесса А.И. Ordo quadro: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития – М.: Экономика, 2001; он же. Четвертый Рим. Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Российские стратегические исследования – М.: Логос, 2002.

Можно также предвидеть появление новых форм развития кризисов и урегулирования конфликтов, связанных со сломом прежней системы взаимоотношений государств, с турбулентностью эклектичного пространства мирового андеграунда, с новой логикой применения силы. При этом не исключена существенная модификация и самой геоэкономической реальности: отчуждение прав владения от режима пользования, масштабное перераспределение ресурсов, энергии и объектов собственности – и еще, пожалуй, радикальное изменение структуры цен – в том числе, за счет целенаправленно взорванного мыльного пузыря финансов.

В зыбкой, турбулентной среде Нового мира цивилизация либо сможет удержать свои идеалы и начала, обретя новую кожу, либо растворится в пространстве иного порядка вещей. Перейдя из мира, совершавшего чудовищные ошибки, но стремившегося вознести цену человека, к многолюдному обществу, где человеческая жизнь будет цениться дешевле, чем на невольничьих рынках древности, – она просто не будет стоить ничего.

МЕХАНИКА ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ*

То, что происходит сейчас на планете, – это изменение привычной траектории человеческой деятельности, смена прежней системы политического и экономического языка, трансформация социальной семантики и синтактики. А проще говоря, имеет место кризис мирового управления. И сейчас мы наблюдаем своеобразный момент истины – то, как данный процесс выходит наружу. Нам оказываются гораздо более внятными, порой очевидными, внутренние механизмы и побудительные мотивы глобальной трансформации, на наших глазах зримо воплощаются изменившиеся правила игры на планете, новоиспеченные прописи проекции силы, а новый миропорядок из сферы интеллектуальных штудий становится властной политической реальностью.

В последние годы данная проблема активно обсуждалась, но обычно под углом формирования поствестфальской системы – противостояния национальных государств некоторой возникающей глобальной структуре. При этом сама структура толковалась достаточно различным образом: то как регулирующий правила поведения на планете международный ареопаг, то как мировое правительство, либо как транснациональная олигархическая власть, действующая на основе разветвленной системы ТНК и ТНБ, или как-то иначе. И сейчас, кажется, наиболее актуальной оказывается именно тема конкуренции между собой этих различных версий глобализации, разных моделей глобальной топологии и схем мирового управления.

В анналах XX века контур выстраиваемой общемировой, глобальной системы управления и контроля до некоторого момента прорисовывался в основном в контексте сменявших друг друга поколений «мировых регулирующих органов»: от экспериментального дизайна Лиги Наций до вполне универсалистской ООН во главе с элитарным Советом Безопасности, обладавшим уникальным статусом, дающим право на легитимное использование силы. На протяжении столетия были зафиксированы, однако, и другие футуристические порывы к новому мировому порядку: их диапазон – от идеи и практики перманентной коммунистической революции, реализовавшей себя, в конце концов, в аморфном организме «мировой социалистической системы» до не слишком внятных, но достаточно мрачных планов установления на планете нацистского *Ordnung*'а.

К концу века, однако, все более зримыми становились зачатки устойчивой системы мировой олигархии, как объединения транснациональной элиты и бюрократии, «давосской культуры». Причем не последнюю роль в данном процессе играли такие, к примеру, международные институты, как Международный валютный фонд или Всемирный Банк, которые с какого-то момента стали в достаточной степени самостоятельными и автономными образованиями, отойдя от прежних замыслов относительно их

* Расширенная версия интервью автора, взятое Павлом Быковым и опубликованное в журнале «Эксперт» 2003, №12.

судьбы и от самой системы ООН. В итоге, в истории последнего десятилетия основными коллективными политическими акторами на мировой арене оказались, прежде всего, институт «Большой семерки» и Организация североатлантического договора (НАТО) – клубы доминирующих субъектов мирового управления.

Однако с приходом в начале нового, XXI века к власти в США команды Дж. Буша-младшего возобладало несколько другое видение исторических перспектив и иное практическое целеполагание. Или, может быть, правильнее будет сказать, что определенная заинтересованность в смене модели глобализации привела к власти администрацию президента Буша.

Модель глобализации, которую предложила республиканская администрация, создает властную, военно-политическую, силовую прокладку для действующих систем транснационального финансово-правового регулирования, национальной транспарентности в рамках «вашингтонского консенсуса», т.е. для той глобальной системы перераспределения ресурсов и мирового дохода, которая складывалась на предыдущем этапе. Иначе говоря, ранее был выстроен скорее образ и рабочая модель глобальной регуляции, нежели реально функционирующая политико-силовая структура глобальных пропорций. Администрация же США создает сейчас под формирующееся геоэкономическое мироустройство свою версию его властного обеспечения.

Ведь когда мы говорим о политической системе – мы, по сути дела, ведем речь о формах, методах и механизмах проекции власти. Власть базируется на силе, но эффективно действующих транснациональных институтов и механизмов для глобальной проекции силы пока не существует. Эту роль и взяли на себя Соединенные Штаты Америки. Отсюда возникает тема «глобальной империи», образ «Четвертого Рима», или страны-системы, проецирующей свои «жизненные интересы» практически на весь мир. То есть Соединенные Штаты, строго говоря, уже не являются национальным государством, а представляют собой некоторый новый социально-политический феномен.

Но есть тут и другая проблема или иной аспект глобализации. Он заключается в том, что основной исторический конфликт лежит сейчас, пожалуй, даже не в плоскости конкуренции между моделями глобализации администрации Клинтона и команды Буша, и не между образами глобального мира по-американски или по-европейски, но между той политикой и стратегией, которые оперируют более-менее привычными, хорошо отрефлексированными социополитическими реалиями современности, и какой-то иной метрикой глобализации, действующей по ту сторону постмодернизационного барьера, связанной с «новыми организованностями» (разнообразными НПО, амбициозными корпорациями, астероидными группами, теневыми консорциумами и т.п.). То есть в мире интенсивно развиваются социальные организмы, которые окончательно разрушают прежнюю систему политической авторегуляции, генетически связанную с эпохой Модернити.

Сложившаяся ситуация достаточно беспощадна по отношению к самим Соединенным Штатам. США по разным причинам взяли на себя в настоящий момент бремя глобальной политической и экономической ответственности и регуляции. Но при этом, оказавшись перед необходимостью активно утверждать свой новый статус, они близки к состоянию фрустрации, ибо столкнулись с субъектами, для взаимодействия с кото-

рыми у них, в сущности, нет ни соответствующих институтов, ни механизмов. В мире, таким образом, под флером широко обсуждаемых и переживаемых сейчас драматичных событий одновременно развернулась другая, не слишком явная и не вполне внятная борьба за статус глобального субъекта, ведущаяся к тому же по новым, совсем не очевидным и до конца не познанным правилам «большой игры».

Возникшее положение вещей требует более глубокого прочтения, нежели то, которое демонстрирует нынешняя администрация США. Ключевой вопрос, стоящий перед Америкой, формулируется примерно следующим образом: по какому пути двигаться стране – преадаптации к новой, еще только складывающейся реальности, либо развитию все более могучих механизмов превентивных действий по снятию множачихся проблем и угроз нового мира? Естественно, реальная политика старается уйти от однозначного ответа на этот и подобные вопросы, представляя собой некую прагматичную амальгаму, более-менее соответствующую историческому моменту. К тому же, часть неприятных вопросов, излишне усложняющих общую картину, по бюрократическим и иным причинам нередко откладывается «в долгий ящик» (как, например, некоторые аспекты военно-стратегического развития Китая).

И все же почему администрация Буша действует именно таким образом и в тех формах, как она действует? Для этого есть свои веские основания. Дело в том, что наряду с кризисом глобального управления, кризисом, вызванным изменением системы миропорядка, формированием новой, нестационарной системы мировых связей и международных отношений, имеет место еще и другая коллизия – экономическая, которая в своей основе вызвана серьезной мутацией кодов индустриального развития. И в числе других значимых факторов – как это ни парадоксально прозвучит – приостановкой, прерыванием органичного для предшествующей эпохи фундаментального инновационного процесса: то есть интенсивного, скачкообразного создания новых предметных полей деятельности, оригинальных областей для приложения капитала, обновления реестра актуальных ресурсов и т.п.

Экономика эпохи Модернити в значительной мере строилась на такой постоянной смене предметных полей, на их усложнении и развитии, поэтому в орбиту хозяйственной практики вовлекались все новые и новые виды ресурсов, менялись их иерархия и значение. Когда же данный процесс приостанавливается, возникает, в частности, ресурсный кризис. Новые, специфические ресурсы не опознаются как таковые, оказываются в значительной мере не востребованными и не включаются в текущий хозяйственный оборот, что со временем практически неизбежно ведет к перерасходу прежнего, стандартного набора ресурсов и их дефициту.

Предложенная в 90-е годы форма решения этого клубка проблем – цифровая «новая экономика» – после пережитого бума и периода эйфории оказалась, в сущности, паллиативной мерой и свою основную роль не выполнила. С данными непростыми процессами в значительной степени связано предчувствие масштабного кризиса глобальной финансовой системы, прежде всего, рынка ценных бумаг, но также и валютного рынка (потери в капитализации предприятиями США достигли за последнее время трех триллионов долларов, а учетная ставка Федеральной резервной системы в настоящий момент опущена до минимума – 1,25%, который заметно ниже уровня инфляции). Иначе говоря, обозначился горизонт «большого финансового взрыва», могущего при-

вести к формированию совершенно иной драматичной вселенной по ту сторону экономического *Big Bang*'а.

США как глобальный геоэкономический регулятор оказались, таким образом, в достаточно непростой ситуации, которая к тому же осложняется двусмысленным положением, в которое попала «традиционная» экономика в период бума экономики цифровой. Планка оказалась для нее лишком высокой, корпорациям подчас приходилось лукавить, чтобы удержать размеры своей капитализации, и в краткосрочной перспективе серьезно повлиять на создавшуюся к настоящему моменту в американской промышленности ситуацию может не слишком широкий спектр мер, не последнее место в котором занимает существенное снижение цен на энергоносители.

В среднесрочной же и долгосрочной перспективе данного направления в мире *volens nolens* возникает проблема глобального дефицита ресурсов (прежде всего энергоресурсов, но также пресной воды и т.п.), новых форм конфликтов на этой почве, отчаянной борьбы за ресурсы, «ресурсного шантажа» и «ресурсного апартеида». Глобальная энергетическая стратегия США предусматривает целый ряд серьезных подвижек в данной сфере, ведущих, прежде всего, к устойчивому контролю над рынком энергоносителей, включая транспарентность и управляемость ОПЕК, ее фактический раскол, а также создание альтернативных конфигураций стран-экспортеров нефти.

Так что администрация Буша, выполняя сложные манипуляции по отстраиванию динамичной системы нового миропорядка, выбирает в этот непростой момент конкретные действия, соответствующие решению наиболее насущных структурных проблем, наряду с удержанием и утверждением своего статуса («статусной капитализации») глобального регулирующего субъекта, взимающего с мира своеобразную «ренту управления».

Ведь другой «палочкой-выручалочкой» для американской промышленности в условиях грозящего ей кризиса и застоя является создание искусственных предметных полей деятельности, которые создаются не только такими очевидными механизмами как финансово-информационные пузыри, управление потребительским обществом и модой, но также методами «деструктивной экономики» (производство средств уничтожения, процесс уничтожения и последующее восстановление уничтоженного), сформировавшейся в процессе высокотехнологичных войн XX века. Отсюда – повышение оборонных расходов, приведение в действие колоссальной военной машины и борьба за послевоенные контракты.

Что опять-таки одновременно помогает решать проблему выстраивания трансграничной системы силовых модулей – опорных пунктов с не слишком определенным международно-правовым статусом и с присутствием боеспособных частей, находящихся в перманентно alertном состоянии (отрабатывающих новые концепты обеспечения господства и безопасности, ведения боевых действий, применения экспериментальных военных технологий и различных типов оружия и т.п.). А также других властных конфигураций для управления новым динамичным миром – и, в частности, таким турбулентным регионом, как Большой Ближний Восток, протянувшийся от Косова до Афганистана.

СОКРАЩЕННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПУБЛИКАЦИЙ А.И. НЕКЛЕССЫ

Отдельные работы: монографии, сборники статей, брошюры (автор; отв. редактор):

1. Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Руководитель проекта и отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
2. Стратегическая матрица / Научный Совет РАН «История мировой культуры» / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.2. – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2002.
3. Трансграничье, его ландшафты и обитатели / Научный Совет РАН «История мировой культуры» / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.1. – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2002.
4. Неопознанная культура / Рабочие материалы расширенного заседания Научного Совета по проблеме мировой культуры при Президиуме РАН с участием теоретических семинаров научных организаций г. Москвы. – М.: Российская академия наук, Научный совет по истории мировой культуры, 2001.
5. Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Руководитель проекта и отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.1. – СПб.: Алетея, 2000.
(Рец.: Т.Е. Савицкая. Глобализация-2 (Заметки на полях монографии) // Полис. Политические исследования. – М., 2001, №5).
6. Конец эпохи Большого Модерна / Международная научная конференция «Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия» (Москва, 21-23 октября 1999). – М.: Институт экономических стратегий, 1999.
7. Ответ России на вызов времени: стратегия технологической конверсии. – М.: Институт Африки РАН, 1997.
8. Перспективы глобального развития и место Африки в Новом мире (социально-экономический аспект). – М.: Институт Африки РАН, 1995.
9. Пентамино: Россия и новый метарегиональный контекст. Приложение. Схемы. – М.: Синергетическая лаборатория НПО СИНЛА, 1994.
10. Российско-африканские экономические связи в глобальном контексте: проблемы и тенденции. – М.: Институт Африки РАН, 1993.

Главы в монографиях и статьи в сборниках:

11. Четвертый Рим. Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Российские стратегические исследования / Отв. ред. Л.Л. Фитуни. – М.: Логос, 2002.
12. Введение. Реквием XX веку // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
13. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
14. Конец цивилизации, или Зигзаг истории // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
15. Глобальный Град: творение и разрушение // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
16. ЭКОЛАР: комплементарная стратегия развития для Африки и мира // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
17. Геоэкономическая система мироустройства // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
18. Российский проект в системе мировых координат // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
19. Управляемый хаос: новый цивилизационный контекст // Связь времен (Сборник памяти Н.Н. Моисеева), т.3. / Отв. ред. В.А. Зятицкий. – М., 2002.

20. Ordo Quadro – четвертый порядок: пришествие постсучасного світу // Глобалізація. Регіоналізація. Регіональна політика. Хрестоматія з сучасної зарубіжної соціології регіонів / Укладачі І.Ф. Кононов (науковий редактор), Бородачов В.П., Топольськов Д.М. – Луганськ: Альма матер-Знання, 2002.
21. Ordo quadro: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития / Отв. ред. М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев / Центр исследований постиндустриального общества. – М.: Экономика, 2001.
22. Конец эпохи Большого Модерна // Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред. В.Г. Хорос, В.А. Красильщиков / Рос. Акад. Наук, Институт мировой экономики и международных отношений. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
23. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Проблемы глобализации: реальность, тенденции, прогнозы. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир» / Институт мировой экономики и международных отношений, Институт микроэкономики. – М.: Издательский дом «Новый век», 2001.
24. Система геоэкономического мироустройства как глобальный проект // Экономическая теория на пороге XXI века –5: Неоэкономика / Отв. ред. Ю.М. Осипов, В.Г. Белоліпецький, Е.С. Зотова. – М.: Юрист, 2001.
25. Раздел I. Постсовременный мир в новой системе координат // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб.: Алетейа, 2000.
26. Раздел II. Краткие тезисы к научному форуму «Глобальное сообщество: новая система координат» // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб.: Алетейа, 2000.
27. Раздел III. Эпилог истории // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб.: Алетейа, 2000.
28. Финансовый мир: реальные следствия виртуальных стратегий // Теоретическая экономия: реальность, виртуальность и мифотворчество / Отв. ред. Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова. – М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, ТЕИС, 2000.
29. Рах Есономісана // Экономическая теория на пороге XXI века – 3: Экономическая цивилизация и научная экономия / Отв. ред. Ю.М. Осипов. – М.: Юрист, 2000.
30. Север и Юг в преддверии новой эры (Обзор работы XII секции) // Африка на пороге третьего тысячелетия / VIII конференция африканистов, Москва 28-30 сентября 1999 г. Итоговые материалы. – М.: Институт Африки РАН, 2000.
31. Глава 4. Россия в системе геоэкономических координат XXI века // Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Рук. авт. колл. Д.С. Львов. – М.: Экономика, 1999.
32. Конец цивилизации, или зигзаг истории // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия / Сборник 1. Общие проблемы постиндустриальной эпохи / Серия «Научные доклады», №91. – М.: Московский общественный научный фонд; Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 1999.
33. Эпилог истории, или модернизация versus ориентализация // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия / Сборник 2. Глобализация и Периферия / Серия «Научные доклады», №92. – М.: Московский общественный научный фонд; Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 1999.
34. «Российский проект» в системе мировых координат XXI века // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия / Сборник 3. Особый случай России / Серия «Научные доклады», №93. – М.: Московский общественный научный фонд; Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 1999.
35. Современные процессы глобальной трансформации мирового хозяйства и место Африки в Новом мире // Африка в меняющемся мире (глобальные и региональные аспекты экономических проблем). – М.: Институт Африки РАН, 1995.
36. Состояние и перспективы развития российско-африканских отношений в глобальном контексте // Состояние и перспективы российско-африканских отношений в свете глобальных тенденций развития мирового хозяйства. – М.: Институт Африки РАН, 1994.

Статьи в журналах, альманахах, продолжающихся изданиях:

37. Инновация и революция // Дружба народов. – М., 2003, №4.
38. Трансграничье, его ландшафты и обитатели. Из беседы на берегу Телецкого озера // Москва. – М., 2003, №2.
39. Трансграничье, его ландшафты и обитатели // Архэ. Культуротехнический альманах. – М.; Томск: Дельтаплан, 2003, Вып.4: Гуманитарная Россия, координаты становления.
40. Глобальная трансформация и российский узел // Россия XXI. – М., 2003, №1..

41. Глобальные вершины, локальные ущелья // Москва. – М., 2003, №1.
42. Глобальный Град: творение и разрушение. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2003, №1
43. Внешняя политика в новом мире // Pro et contra. – М.: Фонд Карнеги за международный мир (Carnegie Endowment for International Peace), 2002, т.7, №4.
44. Меморандум «Северо-Запад». Миссия региональной корпорации // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2002, №6.
45. Глобализация, геоэкономика и сетевая культура // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
46. Управляемый хаос: движение к нестандартной системе мировых отношений // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 2002 №9.
47. Трансмутация истории. 11 сентября 2001 года в исторической перспективе и ретроспективе // Новый мир. – М.: Новый мир, 2002, №9.
48. Фабрики мысли спасли Америку. Станет ли Россия пространством *новых* возможностей? // Со-Общение. – М., 2002, №9.
49. Мир после 11 сентября: развитие стратегической инициативы// Бюллетень Института Африки Российской Академии Наук. – М.: Институт Африки РАН, 2002, №9.
50. The World after September 11th: Development of Strategic Initiative // IAS Newsletter. – Moscow: Institute for African Studies RAS, 2002, №9.
51. Феномен 11 сентября и движение к нестационарной системе мировых связей // Россия XXI. – М., 2002, №4.
52. Момент истины. Заметки на полях постсовременной истории // Дружба народов. – М., 2002, №4.
53. Мир после 11 сентября: логика глобальной трансформации // Москва. – М., 2002, №3.
54. Интеллект, элита и управление // Россия XXI. – М., 2002, №1.
55. Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2002, №1.
56. Наука и высшее образование в постсовременную эпоху // Высшее образование сегодня. – М., 2002, №1.
57. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2002, №1.
58. Проект «Глобализация»: Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Глобальные и стратегические исследования. Вып.1 / Центр глобальных и стратегических исследований / Отв. ред. Л.Л. Фитуни. – М.: Институт Африки РАН, 2002.
59. Мир после 11 сентября // Безопасность Евразии. – М., 2001, №4.
60. Порог Нового мира // Москва. – М., 2001, №10.
61. Центральная Азия – опасный регион. Что надо сделать, чтобы он не стал очень опасным? // Азия и Африка сегодня. – М.: Наука, 2001, №6.
62. Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии: моделирование безопасности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2001, №5.
63. Вступление в постсовременный мир III тысячелетия. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2001, №4.
64. A la carte // Полис. Политические исследования. – М., 2001, №3.
65. Трансмутация истории // Вопросы философии. – М.: Наука, 2001, №3.
66. Глобальный Город: творение и разрушение // Новый мир. – М.: Новый мир, 2001, №3.
67. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Безопасность Евразии. – М., 2001, №1.
68. Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии – моделирование безопасности // Безопасность Евразии. – М., 2001, №1.
69. Российский проект в системе мировых координат XXI века // Проблемы развития. – М.: Национальный институт развития ОЭ РАН. – М., 2001, №1.
70. Финансовый мир // Мост. – СПб.: ЗАО «ОВИЗО», 2000, №40.
71. Ordo Quadro: четвертый порядок. Пришествие постсовременного мира // Полис. Политические исследования. – М., 2000, №6.
72. Трансмутация истории и ментальность человека (вступление в постсовременный мир III тысячелетия) // Мир психологии. Научно-методический журнал. – М.-Воронеж: Российская академия образования. Московский психолого-социальный институт, 2000, №4.
73. Осмысление Нового мира // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2000, №4.

74. Реквием XX веку // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 2000, №1,2.
75. Fin de Millennium, или Реквием XX веку // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2000, №1.
76. Проект «Глобализация»: Глобальные стратегии в преддверии новой эры // Безопасность Евразии. – М., 2000, №1.
77. Реквием XX веку // Эксперт. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2000, №1-2.
78. Конец эпохи Большого Модерна // Знамя. – М., 2000, №1.
79. Pax Economica // Мост. – СПб.: ЗАО «ОВИЗО», 1999, №11.
80. Пакс Экономикана, или Эпилог истории // Новый мир. – М.: Новый мир, 1999, №9.
81. Творческий континент Россия // Москва. – М., 1999, №8.
82. Мир на краю истории, или Глобализация-2 // Москва. – М., 1999, №4.
83. Конец цивилизации, или Конфликт истории // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1999, №3, 5.
84. Российский проект // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1999, №4.
85. Финансовый мир: реальные следствия виртуальных стратегий // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1999, №2.
86. Проект «Глобализация»: Глобальные стратегии в преддверии новой эры // НАВИГУТ. Научный альманах высоких гуманитарных технологий. Вып.1 / Приложение к журналу «Безопасность Евразии». – М., 1999.
87. Pax Economica: геоэкономическая система мироустройства // Экономическая наука современной России. – М.: Отделение экономики РАН, 1999, №1.
88. Пакс Экономикана: новое геоэкономическое мироустройство // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 1999, №1.
89. Pax Economica // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1999, №1.
90. Новый мировой порядок и Африка // Африка. Суждения и факты / Справочно-библиографическая серия. Том.1. – М.: Институт Африки РАН, 1998.
91. «Российский проект» // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1998, №6.
92. Эпилог истории // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1998, №5.
93. The End of Civilization or the Clash of History // IAS Newsletter. – Moscow: Institute for African Studies RAS, 1998, №3.
94. Конец цивилизации, или Зигзаг истории // Бюллетень Института Африки Российской Академии Наук. – М.: Институт Африки РАН, 1998, №3.
95. «Российский проект» в системе мировых координат XXI век // Проблемы развития. – М.: Национальный институт развития ОЭ РАН, 1998.
96. Конец цивилизации или Зигзаг истории // Знамя. – М., 1998, №1.
97. Геоэкономическая безопасность России в современном мире // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №10-11.
98. Генезис и практика программ структурной перестройки // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №7.
99. Африканская перестройка // Азия и Африка сегодня. – М.: Наука, 1997, №6.
100. Геоэкономические горизонты России // Российское аналитическое обозрение. – М.: Россия 2010, 1997, №5.
101. Гипер-Север: стратегия научно-технологической конверсии // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №3.
102. Постсовременный мир в новой системе координат // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1997, №2.
103. Геометрия экономики // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1996, №10.
104. Россия на пороге нового мира // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1996, №2.
105. Долги – для развития? // Африканский рынок. – М.: Институт Африки РАН, Ассоциация делового и культурного сотрудничества со странами Африки, 1996, №2.
106. Россия в новой системе координат: цивилизационных, геоэкономических, геополитических // Научный альманах «Цивилизации и культуры» / Вып.3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. – М.: Институт востоковедения РАН, 1996.

107. Африка в новом мире // Африка. Суждения и факты. Вып.8. – М.: Институт Африки РАН, 1996.
108. Африка: структурная «адаптация» экономики // Африка. Суждения и факты. Вып.7. – М.: Институт Африки РАН, 1995.
109. Россия и Африка: перспективы экономического сотрудничества // Африка. Суждения и факты. Вып.6. – М.: Институт Африки РАН, 1995.
110. Крах истории или контуры Нового мира? // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1995, №12.
111. Контуры Нового мира и Россия // Знамя. – М., 1995, №11.
112. Проблема глобального развития и место Африки в Новом мире // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1995, №8.
113. «ЭКОЛАР» – комплементарная стратегия развития для Африки и мира // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1995, №5.
114. «Третий Рим» или «Третий мир»: глобальные сдвиги и национальная стратегия России // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1995, №1.

Доклады и выступления

115. Глобальная трансформация и российский узел. Социальные конструкции постиндустриальной эры // Международная научная конференция «Форум будущего» / «Административные системы управления будущим», Санкт-Петербург, 25-26 сентября 2002 г. – СПб, 2003.
116. Инновация и революция / Материалы экспертного семинара и проектной игры «Проектирование национальной инновационной системы» г. Санкт-Петербург 22-24 июня 2002 г. – СПб.: Школа инновационных менеджеров, 2002.
117. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Клуб ученых «Глобальный мир». Доклады 2000-2001 гг. / Институт мировой экономики и международных отношений, Институт микроэкономики. – М.: Издательский дом «Новый век», 2002.
118. Мировой Север и мировой Юг: новый цивилизационный контекст // IX конференция африканистов. Африка в контексте отношений Север-Юг. (Москва, 21-23 мая 2002 г.). – М., 2002.
119. Квази-Север и Глубокий Юг: глобализация и сетевая культура // IX конференция африканистов. Африка в контексте отношений Север-Юг. (Москва, 21-23 мая 2002 г.). – М., 2002.
120. Выступление в дискуссии / Россия 2002. Диагноз. Круглый стол // Советник Президента. – М., 2002, №1.
121. Выступление в дискуссии // Четвертая мировая война: за и против. Заседание клуба «Стратегическая матрица» 14 ноября 2001 года. Деловой центр ТПП. – М.: Институт экономических стратегий, 2002.
122. Постсовременная цивилизация // Прикладные аспекты глобализации. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Специальный выпуск. (Материалы научно-практического семинара «Прикладные аспекты глобализации». 20-21 сентября 2001 г.) – М.: Издательский дом «Новый век», Институт микроэкономики, 2001.
123. Современная мир-экономика: актуальная геоэкономическая конфигурация // Конец эпохи «мира-экономики», глобализация и естественная социальная эволюция. / Институт мировой экономики и международных отношений, Институт микроэкономики. – М.: Издательский дом «Новый век», 2001.
124. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Культура в эпоху цивилизационного слома / Материалы Международной конференции. 12-14 марта 2001 / Российская академия наук, Научный совет по истории мировой культуры. – М., 2001.
125. Конец эпохи Большого Модерна // Мировпорядок после Балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. Материалы конференции. Москва, 1-2 ноября 1999 г. / Гл. ред. А.Н. Кулик / Межрегиональное общественное объединение участников научных, культурных и образовательных программ сотрудничества с США «Профессионалы за сотрудничество». – М.: Добросвет, 2000.
126. Россия в мировой экономике XXI века (Российский проект) // Приоритеты и механизмы экономической политики России в кризисный период / Научно-практическая конференция Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации / Секция «Россия в мировой экономике XXI века». – М., 1999.
127. На пороге XXI века, как и две тысячи лет назад, человечество оказалось в ситуации нарастающей культурной растерянности / II. Глобализация в контексте этики // Этнос глобального мира / Отв. ред. В.И. Толстых / Горбачев-фонд. – М.: Восточная литература РАН, 1999.

128. Выступление в дискуссии / Россия в глобальной экономике: проблема самоопределения (круглый стол) // Россия в глобальной экономике: проблема самоопределения / Исследовательский проект «Загадка Евразии: Россия в формирующейся глобальной системе». – М.: Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-фонд), 1999.
129. Выступление в дискуссии / Актуальные вопросы глобализации (круглый стол «МЭ и МО») // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1999, №4.
130. The End of Civilization or the Clash of History // Africa beyond 2000. Symposium on the Development Perspective of Africa Towards the 21st Century. – Beijing: Institute of West Asian and African Studies Chinese Academy of Social Studies, 1999.
131. Выступление в дискуссии / VIII. Многополярный мир и региональные сверхдержавы II. Стенограмма совещания, проведенного в аппарате Совета обороны РФ. Москва, 13 июня 1997 г. // Национальная безопасность: в поисках приоритетов. Материалы совещаний аналитической группы при Совете Обороны Российской Федерации / Серия «Научные доклады», №62. – М.: Московский общественный научный фонд, 1998.
132. Выступление в дискуссии / IX. Россия в XXI веке. Стратегия развития. Стенограмма совещания, проведенного в аппарате Совета обороны РФ по проблемам концептуальных основ военной доктрины. Москва, 11 декабря 1997 г. // Национальная безопасность: в поисках приоритетов. Материалы совещаний аналитической группы при Совете Обороны Российской Федерации / Серия «Научные доклады», №62. – М.: Московский общественный научный фонд, 1998.
133. «Российский проект» вхождения в глобальный мир – возможен // Россия в глобальном мире. Материалы совместного заседания клуба «Свободное слово» и Горбачев-Фонда, состоявшегося 19 сентября 1997 г. – М.: Апрель-85, 1997.
134. Выступление в дискуссии / Глобализация и демократизация (круглый стол). // Глобализация и демократизация. Стенограмма круглого стола, состоявшегося в Горбачев-фонде 1 июля 1997 года / Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-фонд). – М., 1997.
135. Выступление в дискуссии / Экономические реформы в Африке (круглый стол) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1997, №6.
136. Геоэкономическая система координат и проблема развития // Новая роль России в мире и Африке (материалы международной конференции «Россия и новое международное партнерство для Африки» апрель 1994 г.). – М.: Институт Африки РАН, 1995.
137. Человек, глобальное сообщество, Африка на пороге XXI века // Человек в африканском обществе (материалы рабочего совещания, проведенного в Институте Африки АН СССР в июне 1989 г.). – М.: Институт Африки РАН, 1994.

Тезисы:

138. Мировой Север и мировой Юг: новый цивилизационный контекст // IX конференция африканистов. Африка в контексте отношений Север-Юг. (Москва, 21-23 мая 2002 г.). Тезисы. – М.: Институт Африки РАН, 2002.
139. North and South in the Global Context: Roots of a New Civilization // IX Conference of Africanists. Africa in the context of North-South relations. Moscow, May 21-23, 2002. Abstracts. – Moscow: Institute for African Studies RAS, 2002.
140. Квази-Север и Глубокий Юг: глобализация и сетевая культура // IX конференция африканистов. Африка в контексте отношений Север-Юг. (Москва, 21-23 мая 2002 г.). Тезисы. – М.: Институт Африки РАН, 2002.
141. Quasi-North and Deep South: Globalization and Net Culture // IX Conference of Africanists. Africa in the context of North-South relations. Moscow, May 21-23, 2002. Abstracts. – Moscow: Institute for African Studies RAS, 2002.
142. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век. Материалы к IV Международной Кондратьевской конференции. Москва, 15-16 мая 2001 г. – М.: Международный фонд Н.Д. Кондратьева, 2001.
143. Мировой Север и мировой Юг: новая конфигурация // VIII конференция африканистов. Африка на пороге третьего тысячелетия (Москва, 28-30 сентября 1999 г.). Тезисы. – М.: Институт Африки РАН, 1999.
144. North and South: Shift of Social Axis // VIII Conference of Africanists. Africa at the threshold of the new millennium. Moscow, 28-30 September, 1999. Abstracts. – Moscow: Institute for African Studies RAS, 1999.

145. Тезисы к дискуссии / Форум. Постсовременный мир: новая система координат (подходы к проблеме) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1998, №1.
146. Генезис программ структурной перестройки и Африка // VII всероссийская конференция африканистов. Африка в меняющемся мире (Москва, 1-3 октября 1997 г.). Вып.1 / Экономика. Социально-политические, идеологические и правовые проблемы. Международные отношения: Африка, Россия, СНГ. – М.: Институт Африки РАН, 1997.
147. Глобальное сообщество: место Африки в постсовременном контексте // VII всероссийская конференция африканистов. Африка в меняющемся мире (Москва, 1-3 октября 1997 г.). Вып.1 / Экономика. Социально-политические, идеологические и правовые проблемы. Международные отношения: Африка, Россия, СНГ. – М.: Институт Африки РАН, 1997.
148. The origins of structural adjustment programs and Africa // 7th All-Russia Conference of Africanists. Africa in a changing world. Abstracts. – Moscow: Institute for African Studies RAS, 1997.
149. Пути решения проблемы «африканского долга» // VI конференция африканистов. Африка: проблемы перехода к гражданскому обществу (Москва, 16-18 ноября 1994 г.). Вып.1 / Состояние и перспективы развития экономики стран Африки. Экономические связи России и СНГ с Африкой. Социально-политические, идеологические и правовые проблемы. Политология и международные отношения. – М.: Институт Африки РАН, 1994.

Приложение к списку публикаций: интервью, статьи в газетах

Интервью:

150. Стратегическая симфония // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2003, №2.
151. <Итоги года> // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2002, №6.
152. Первая война XXI века // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2001, №5-6.
153. Проблема XXI века // Эксперт. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2001, №34.
154. Новая картография мира // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2001, №1.
155. <Что бы Вы посоветовали Президенту России...> // Москва. – М., 2001, №1.
156. Чай, кофе и судьбы цивилизации // Российская федерация сегодня. – М., 1999, №18.
157. Чай, кофе и судьбы цивилизации // Кофе и чай. – М., 1999, №2.
158. «Российский проект» дает второе дыхание стране // Российский кто есть кто. – М., 1998, №3.
159. Мир Модерна, мир Нового времени подходит к своему логическому концу // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №5.
160. Мир постмодерна, мир игры ломает горизонт истории // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №8-9.
161. На краю Ойкумены // Панинтер. – М., 1997, №3.
162. На краю Ойкумены-2 // Панинтер. – М., 1997 №4.
163. Мы стоим на пороге новых образов Политики, Экономики, Культуры // Деловой мир. – М., 27.8.1996.
164. Мы должны быть реалистами и стратегами. И уметь выбирать потери // Деловой мир. – М., 18.5.1996.

Статьи в газетах:

165. Направления технологической конверсии // Независимое военное обозрение. – М., 1-7.02.1997.
166. Геоэкономическое измерение реформ // Независимая газета. – М., 11.04.1996.
167. Геометрия экономики // Панинтер. – М., 19.04.1996.
168. Крах истории, или Конец Нового времени // Сегодня. – М., 17.12.1995.
169. Стратегия технологической конверсии // Независимая газета. – М., 9.11.1995.
170. Этот новый финансовый мир // Сегодня. – М., 15.06.1995.
171. Не ходите, кредиторы, в Африку гулять // Коммерсант. – М., 12.12.1994.
172. Третий Рим или Третий Мир: геоэкономика и национальная стратегия России // Сегодня. – М., 25.10.94.